

Увидев ошеломлённое, будто громом поражённое лицо Сун Чжиши, Чжу Фанцзе не смогла сдержать улыбки.

— Ладно вам. Сун Чжиши, Чжу Луша — останьтесь. Остальные могут идти в бухгалтерию за расчётом по командировочным. А после — все свободны, начинаются каникулы!

— Спасибо, капитан! — дружно выдохнули артисты.

Когда кабинет опустел, строгое выражение лица Чжу Фанцзе немного смягчилось.

— Садитесь оба.

Сун Чжиши догадывался, что разговор с глазу на глаз с ним и Чжу Лушей предвещает важные новости.

И действительно, в следующую секунду Чжу Фанцзе перешла прямо к делу:

— Вы оба наверняка знаете, что для балета «Красный женский отряд» нам всё ещё не хватает исполнителя главной мужской партии. Чжиши, скажи честно: справишься? Ты готов взять на себя эту роль?

"Неужели мне так скоро выпал шанс выйти на настоящую сцену?"

Чжиши приложил все усилия, чтобы сдержать ликование, и скромно ответил:

— Но, капитан Чжу, у меня ведь ещё хромает базовая техника.

Чжу Фанцзе покачала головой:

— Проблем у тебя действительно хватает, но твой главный плюс — ты схватываешь всё на лету и быстро исправляешь ошибки. Ждать больше нельзя. Сентябрь пролетит незаметно, а в октябре, на День образования КНР, все отделы пропаганды, уездные и общинные агитбригады соберутся на большой совместный смотр. У нас на подготовку остался всего месяц.

Она сделала паузу, переводя взгляд с одного на другого:

— Как только закончатся каникулы, вы с Шашей будете приходить в мой личный репетиционный зал. Займёмся классическим балетом всерьёз. Я составлю для каждого из вас индивидуальную программу тренировок.

Обсудив детали, Чжу Фанцзе отпустила Сун Чжиши. Тот прекрасно понимал, что тётке с племянницей нужно поговорить без свидетелей, поэтому вежливо попрощался и ушёл.

Как только за ним закрылась дверь, Чжу Фанцзе вновь напустила на себя строгий вид.

Чжу Луша больше всего на свете боялась этого холодного взгляда тёти. Она сжалась на стуле и

робко пробормотала:

— Прости, тётя... Я больше никогда так не буду.

— Да у тебя смелости хоть отбавляй! — в сердцах бросила Чжу Фанцзе. — Скажу тебе прямо, Чжу Луша: не будь ты моей племянницей, за вчерашнюю выходку тебя бы сегодня уже вышвырнули отсюда с вещами! Поглядите на неё, подросла, ума набралась — додумалась подкупить соседку по комнате, чтобы втиснуть себя на сцену!

— Тётя, я ведь все эти дни без усталости репетировала этот танец втайне от всех... Я знала, что справлюсь... Но я правда поняла свою ошибку.

— И в чём же, по-твоему, твоя ошибка?

— Я не должна была подкупать Линь Фан. И тем более не имела права действовать за твоей спиной.

— Это лишь малая часть! — Чжу Фанцзе вздохнула, пытаясь успокоиться. — Самое главное — ты дала моим недоброжелателям повод ударить по мне. И не думай, будто я не знаю, ради кого ты так рвалась заменить Линь Фан на сцене.

Она смягчила тон, но продолжила наставительно:

— Если тебе нужны роли и признание, я сама дам тебе возможность проявить себя. Но нарушать устав ради какого-то мужчины — недопустимо! Если бы вчера что-то пошло не так, разве он взял бы вину на себя? Если я сейчас тебя не накажу, это сочтут кумовством. Так что мне придётся лично пойти к директору и принести извинения за твой проступок.

Чжу Луше наконец стало по-настоящему страшно. Она ведь просто хотела, чтобы Гу Хуай заметил её во время выступления. Будучи уверенной в своей безупречной технике, она даже не задумывалась о том, какими тяжёлыми могут быть последствия для её тётки.

— Ступай, — устало выдохнула Чжу Фанцзе, глядя на заплаканное лицо племянницы. — Прощаю. Но это в первый и последний раз.

Чжу Луша вытерла слёзы, поднялась со стула и решила заговорить о том, что хранила в тайне долгие годы:

— В шестьдесят шестом году, когда прорвало дамбу на Хуанхэ, деревню, где жила бабушка, затопило. Я спала и меня унесло потоком... Если бы не Гу Хуай, меня бы давно не было в живых.

— Что ты говоришь? — изумилась Чжу Фанцзе.

Она и подумать не могла, что между ними есть такая связь. Поняв теперь, почему племянница так одержима этим человеком, она почувствовала одновременно жалость и досаду.

— Почему ты молчала всё это время?

У Джу Фанцзе не было собственных детей, и она всегда относилась к Шаше как к родной дочери. Осознание того, что девочка пережила подобный кошмар, а она даже не знала об этом, больно укололо её. Тётя подошла и крепко обняла плачущую племянницу.

— Прости меня, глупую... Я ведь даже не удосужилась спросить, почему ты так тянешься к этому парню.

До образования КНР семья Чжу владела обширными землями и считалась богатыми помещиками. Чжу Фанцзе была средней дочерью. И хотя у неё были старший и младший братья, в деньгах она никогда не нуждалась. Однако они со старшим братом не пользовались любовью матери — та души не чаяла в младшем сыне. Позже, когда у младшего родились двое сыновей, а жена старшего брата разродилась лишь девочкой, а сама Чжу Фанцзе так и осталась незамужней, мать окончательно отвернулась от них, посчитав позором. Всю свою ласку она отдавала внукам.

Но Джу Фанцзе и представить не могла, что в минуту смертельной опасности родная бабушка хладнокровно бросит внучку погибать в воде.

— Ты уверена, что это был именно Гу Хуай? — спросила Чжу Фанцзе, глядя племянницу по голове.

Чжу Луша, всхлипывая, кивнула:

— Когда я пришла в себя, меня уже эвакуировали. Солдат тогда было очень много... Но я запомнила его спину — он был невероятно высоким. Потом, спустя время, я долго разузнавала и выяснила, что Гу Хуай действительно в том году принимал участие в спасательной операции в нашей деревне и даже получил за это медаль за отвагу третьего класса. Да и его рост, и сложение в точности совпадают с моими воспоминаниями. Это точно был он.

Она шмыгнула носом и с явным сожалением добавила:

— Когда я узнала, кто он, то прослышала, что его семья сильно бедствует. Я хотела помочь ему, отблагодарить... Но когда наконец нашла его, оказалось, что он уже сошёлся с Сун Чжиши. А ведь у него могло быть блестящее будущее! Он ушёл со службы совсем молодым... Если бы он женился на нормальной женщине, всё сложилось бы иначе...

Чжу Фанцзе похлопала её по спине, тихо успокаивая:

— Это его выбор, Шаша. Каждый сам решает, как ему жить, и платит за свои решения. Мы не вправе вмешиваться в чужую судьбу.

При этом в душе Чжу Фанцзе испытала огромное облегчение. Раньше она корила себя за то, что потакает капризам племянницы, которая пытается увести чужого мужчину, и чувствовала вину перед невиновным Сун Чжиши. Теперь же всё встало на свои места.

— Прости, тётя, я вела себя глупо и эгоистично, — прошептала Чжу Луша, утыкаясь носом в её плечо. — Я пойду с тобой к директору и извинюсь за то, что натворила.

Чжу Фанцзе наконец тепло улыбнулась:

— Помнить добро — это правильно, Шаша. Давай сделаем так: попросим малого Суна устроить нам встречу с Гу Хуаем, сядем все вместе и поговорим начистоту. Отблагодарим за спасение, как полагается, но рушить чужие отношения не станем. Годится?

Услышав имя Сун Чжиши, Чжу Луша недовольно надула губы:

— Тётя, но почему я должна репетировать именно с ним? Он мне не нравится, да и я ему, уверена, тоже не особо сдалась.

При упоминании своего любимого ученика Чжу Фанцзе мгновенно повеселела, а её взгляд загорелся гордостью:

— У него невероятный талант, Шаша. База у него куда сильнее твоей. Сейчас ты воротишь нос, а вот если его заберут в провинциальный ансамбль, ты локти кусать будешь, что упустила такого партнёра.

Она заговорщически понизила голос:

— К тому же, я знаю Ян Хуэйцинь не первый год. Она баба с двойным дном. Не дай бог она займёт моё место — вся наша балетная группа погрязнет в интригах и склоках. Тебе пора взрослеть, Шаша, и брать на себя ответственность. Я хочу, чтобы со временем ты возглавила наше отделение.

Чжу Луша, прожившая в одной комнате с Ян Хуэйцинь полмесяца, прекрасно понимала, о чём говорит тётя, и оценила её доверие.

— Я буду стараться, тётя. Обещаю слушаться тебя во всём.

— Вот и умница.

Все недомолвки остались позади, и тётя с племянницей наконец смогли обнять друг друга с прежней теплотой.

Выйдя из репетиционного зала, Сун Чжиши направился в бухгалтерию за командировочными. Вообще-то запасным артистам выплаты не полагались, но капитан Чжу, видимо, обо всём позаботилась заранее. К его скромным суточным добавилась ещё и часть штрафа, удержанного с Чжу Луши и Линь Фан, так что сумма в конверте оказалась весьма приятной на ощупь.

Сун Чжиши взвесил конверт на ладони — на глаз там было не меньше десяти юаней.

Поскольку он планировал навестить родственников, ему пришлось заглянуть в отдел кадров, чтобы подписать заявление на отпуск и получить официальное рекомендательное письмо.

Уладив дела, он в прекрасном расположении духа сел на автобус, идущий до шахты. Ему не терпелось поскорее увидеть Гу Хуая и поделиться с ним радостью от своего первого выступления.

За полмесяца его отсутствия в общежитии коридорного типа ничего не изменилось. Их маленькое гнёздышко встретило его привычным уютом и чистотой — Гу Хуай даже не подумал обзавестись хоть какой-то новой мебелью.

Сун Чжиши вздохнул с лёгкой досадой. Ну конечно, разве этот упрямец купит новую кровать без его пинка?

Комнатка была крошечной, и то, что дома никого нет, стало ясно с первого взгляда.

Накатила лёгкая грусть — всё-таки они не виделись две недели.

Сун Чжиши быстро взял себя в руки, собрал гостинцы, приготовленные для сестры и племянников, оставил для Гу Хуая короткую записку на столе и отправился в уезд Фуци.

Деревня семьи Лин, бригада Хунсин, коммуна Гэтай

Заместитель капитана бригады Лин Баого сидел во дворе своего дома и никак не мог выпустить из рук маленькую внучку, которой едва исполнился месяц.

У него самого было четверо сыновей, да ещё четыре брата — в их роду из поколения в поколение рождались одни мужчины. Мальчишек в доме хватало с избытком, а вот девчушка родилась всего одна, и дед души в ней не чаял, оберегая как величайшее сокровище.

Вот только девочка родилась слабенькой, часто капризничала и плакала по ночам, из-за чего её мать совсем выбилась из сил.

Жена Лин Баого давно ушла из жизни, и в доме хозяйничали две невестки — старшая и младшая. Сейчас, пока младшая, Сун Чжиин, оправлялась после тяжёлых родов, все домашние хлопоты и работа в поле легли на плечи старшей, Лю Ляньсян. Поэтому в свободные минуты Лин Баого сам нянчился с малышкой.

Почувствовав тепло дедовских рук, девочка сладко посапывала, зарывшись носиком в его плечо.

Приближалось время идти на работу. Лин Баого с явной неохотой передал спящий комочек

младшей невестке.

— Чжиин, ты давай отдыхай как следует, — в который раз повторил он привычные наставления. — Захочешь пить или есть — зови Ляньсян, она женщина привычная, во всём поможет.

Сун Чжиин кротко улыбнулась, в её голосе не было и тени недовольства:

— Хорошо, отец. Спасибо вам.

Заметив, что девочка зашевелилась и вот-вот проснётся, Лин Баого понизил голос до шёпота:

— Ну, я побежал на работу. Если проснётся — тоже кричи Ляньсян, у неё опыта с детьми побольше!

— Да, папа, идите спокойно.

Довольный свекор зашагал к выходу, но у самых ворот, бросив взгляд на курятник, спохватился и крикнул в сторону кухни:

— Ляньсян! Не забудь днём сделать для Чжиин яичную кашу на пару, поняла?

Деревенские женщины привыкли к тяжёлому труду: в эти суровые годы мало кто мог позволить себе долгий отдых, многие выходили в поле чуть ли не на следующий день после родов. И только Сун Чжиин честно отлежала в постели целый месяц, окружённая заботой родных и невестки.

Лю Ляньсян, которой и приходилось ухаживать за молодой матерью, разумеется, исходила тихой злобой.

Их деревня была бедной и глухой, яйца здесь считались деликатесом, который видели разве что по праздникам. Сама Ляньсян родила мужу троих сыновей, но за все годы не видела от свёкра даже яичной скорлупы. А Чжиин за дочку получает по яйцу каждый божий день!

И ведь эта городская неженка ещё и нос воротит, не ценит заботу!

В душе Ляньсян костерила золовку на чём свет стоит, но руки её делали работу привычно и быстро. Она ловко разбила яйцо в надбитую глиняную миску, хорошенько взбила его, добавила немного воды, соли и, поколебавшись, зачерпнула маленькую ложку смальца для сытости. После чего водрузила миску в котелок с горячей водой на краю печи.

Но перевести дух ей не дали. Ляньсян набрала из кадки серой муки грубого помола, замесила тесто, потащила дрова к печи и принялась качать меха раздувателя, крутясь как белка в колесе.

В этот момент в дверях показался чумазый мальчишка с размазанными по лицу соплями:

— Мам, ись хочу.

— Ись он хочет! — взорвалась Ляньсян. — Обжора ненасытный, сколько ни корми — всё мало! Откуда в тебе столько лезет, мы что, богачи какие? А ну брысь отсюда, скоро все за стол сядем!

Она кричала в полный голос, и её крики эхом разносились по соседнему помещению. Сун Чжиин, лежавшая в своей комнате, разумеется, всё прекрасно слышала. Она была не глупа и понимала, что невестка метит в неё.

С самого детства Чжиин росла в холе и неге, и яйца для неё никогда не были редкостью — она помнила времена, когда на кухне особняка семьи Сун ежедневно расходовались сотни яиц. Но здесь, в деревне, об этом нужно было молчать. К счастью, из-за глуши и бездорожья никто в деревне, кроме свёкра, не знал о её настоящем происхождении.

За годы замужества Сун Чжиин научилась казаться скромной, покладистой крестьянкой. Её муж был одним из немногих грамотных людей в округе, окончившим старшую школу, но начавшееся «движение» перечеркнуло его будущее и заставило вернуться к земле. За время брака она родила ему двух сыновей, а теперь и дочку. Жизнь текла своим чередом, тихо и мирно.

Ей удавалось неплохо играть роль идеальной невестки — вся деревня считала её красивой, образованной и на редкость разумной городской женой.

Но порой от такой жизни хотелось выть.

Иногда долгими ночами она вспоминала своё детство. Не из-за изысканной еды или дорогих шелков, нет. Ей просто не хватало ощущения... перспективы. Чего-то, ради чего стоило жить дальше.

Прислонившись к побеленной стене, Чжиин смотрела в тусклое оконное стекло. За ним простирался лишь пыльный, унылый двор, обнесённый глинобитным забором... да вечно недовольная, ворчащая невестка.

Чжиин часто спрашивала себя: как ей реагировать на злобу Ляньсян? Она изо всех сил старалась терпеть, не опускаться до ссор, надеясь, что это подчёркнет её благородное воспитание. Больше всего на свете она боялась превратиться в такую же забитую деревенскую бабу, готовую перегрызть горло за одно куриное яйцо.

Раздался звон колокола, возвещающий об окончании полевых работ, и деревня ожила. Уставшие мужчины и женщины с мотыгами на плечах потянулись с полей домой.

В калитку ворвался раскрасневшийся младший брат мужа, Лин Цзяю, и на ходу крикнул в

сторону кухни:

— Старшая невестка!

Лю Ляньсян торопливо окликнула его и бережно протянула ему миску с готовой яичной кашцей:

— Осторожнее, не пролей. Отнеси второй невестке.

Парень шумно сглотнул слюну, заворожённо глядя на лакомство:

— Ага, сейчас.

Он аккуратно подошёл к двери Чжиин, вежливо постучал и, дождавшись тихого разрешения, вошёл внутрь.

Лю Ляньсян, наблюдавшая за этим, лишь закатила глаза к небу.

"Ишь как прыгают перед ней! И старый, и малый — все пылинки сдувают!"

— Подумаешь, барыня какая, — тихо проворчала она под нос. — Ведёт себя так, будто она принцесса при дворе императора, тьфу!

Проходившие мимо забора соседки заметили её кислую мину и с улыбками закричали:

— Ляньсян, всё возишься?

— Чего застряла-то? Опять вокруг младшей крутишься?

Лю Ляньсян натянула фальшивую улыбку:

— Да нет, бабушки, двор подметаю.

Стоило соседкам скрыться из виду, как улыбка мгновенно сползла с её лица. Ей казалось, что вся деревня шепчется у неё за спиной.

Каждому было видно, как тяжело ей приходится: на ней и дом, и дети, и скотина. А второй сын свёкра — парень грамотный, с будущим. И если ничего не изменится, Лин Баого наверняка передаст своё место именно ему.

А ей, старшей невестке, не достанется ничего. Она в этом доме на правах прислуги, и это казалось ей глубоко несправедливым.

Но спорить со свёкром, который был заместителем капитана бригады, она не смела — его

авторитет в семье был непререкаем.

От этой горькой обиды у Ляньсян опустились руки. Она примостилась на перевёрнутое ведро в углу двора, окончательно потеряв желание готовить ужин.

Тем временем Лин Цзяю поставил миску на невысокий столик у кровати:

— Невестка, кушай, пока горячее.

Сун Чжиин ласково улыбнулась ему:

— Спасибо, Цзяю.

Парень преданно заглянул ей в глаза:

— А можно мне на племянницу посмотреть?

— Конечно, можно. Но сначала съешь это.

Глаза мальчишки вспыхнули от восторга, но он тут же испуганно отпрянул, зная, какая это ценность:

— Мне? Но это же тебе свекор велел сварить! Разве мне можно?

Чжиин мягко подтолкнула к нему миску:

— Ешь-ешь, я совсем не голодна.

Солнце скрылось за горизонтом, и вся семья собралась в доме.

Узнав, что ужин не готов, старший сын Лин Цзясян мгновенно вспылел:

— Я весь день спину гнул в поле, а ты дома прохлаждалась? Ну и ленивая же ты баба!

— Да я... я просто забыла, — виновато забормотала Ляньсян, вжимая голову в плечи.

— Забыла она! Как можно забыть приготовить ужин?! — рявкнул муж.

Лин Баого поправил очки и примирительно поднял руку:

— Ладно вам, раскричались. Не шумите, Чжиин разбудите. Обойдёмся сегодня чем попроще.

Лю Ляньсян не выдержала обиды, разрыдалась и, закрыв лицо руками, выскочила во двор.

Сун Чжиши сменил три вида транспорта: сначала трясся в душном автобусе, потом ехал на разваливающемся тракторе, затем ловил попутную телегу с волами, а последний отрезок пути и вовсе преодолел пешком. Наконец перед ним показался до боли знакомый поворот дороги.

В этих краях все деревни были похожи друг на друга как две капли воды, и если бы не старый каменный указатель с надписью «Цинсуй» на въезде, Сун Чжиши наверняка бы заблудился.

Сердце его бешено колотилось от волнения перед встречей со второй сестрой, которую он не видел целую вечность.

Они с Чжиин были невероятно похожи характерами — оба упрямые, гордые, не умеющие прощать обиды. Как она умудрилась выжить в этой глуши все эти годы, оставалось для него загадкой.

Мысль о том, через какие лишения пришлось пройти его любимой сестре, заставила его глаза предательски заблестеть от слёз.

Пока он стоял в нерешительности у околицы, сверху раздался звонкий детский голосок:

— Дяденька, а ты кто?

Сун Чжиши поднял голову. На невысоком пригорке стояли несколько ребятишек и с любопытством разглядывали его.

Одежда на них висела лохмотьями, покрытыми заплатками в несколько слоёв, а самые маленькие и вовсе бегали голышом. Все они были по уши в грязи, так что с первого взгляда трудно было разобрать, где мальчик, а где девочка. Самый крошечный карапуз сосредоточенно сосал собственный палец.

Все они стояли босиком прямо на сухой жёлтой земле, покрывающей их цыпки густым слоем пыли.

Сун Чжиши присел перед ними на корточки, стараясь казаться как можно дружелюбнее:

— Привет, малыши. Вы чьи будете? Что здесь делаете?

— Мы из деревни Линцзя! — хором ответили дети. На удивление, они совсем его не боялись.

— Вот как? — улыбнулся Чжиши. — Тогда подскажите мне, вы знаете Лин Сяобао и Лин Сяочуаня? Я как раз их ищу.

Один из мальчишек постарше тут же ткнул пальцем в малыша, сосущего палец:

— Сяобао, Сяобао! Этот дяденька тебя ищет!

Сун Чжиши замер. Оказывается, этот чумазый карапуз и был его младшим племянником.

В его памяти они с сестрой расстались, когда у тех уже подрастали собственные правнуки, а сейчас перед ним стоял крошечный ребёнок, едва научившийся ходить.

Сун Чжиши, не обращая внимания на его грязную одежду, бережно подхватил малыша на руки.

Сяобао широко раскрыл круглые блестящие глазёнки и уставился на красивого незнакомца, даже не думая плакать или вырываться.

Чжиши достал чистый носовой платок, бережно вытер племяннику нос и личико. Под слоем пыли обнаружился на редкость хорошенький мальчуган, бывший точной копией его сестры Чжиин в детстве.

Сун Чжиши выудил из кармана молочную конфету, развернул яркий фантик и положил её малышу в рот. Тот с удовольствием зачмокал. Довольный Чжиши тут же раздал остальным ребятишкам по горсти фруктовых леденцов.

Вдруг Сяобао смешно надул губы и громко крикнул в сторону дороги:

— Братик!

Сун Чжиши хотел было поправить его, но тут же услышал строгий, почти взрослый окрик:

— Лин Сяобао! Ну-ка слезай сейчас же! Нельзя идти на руки к незнакомцам, вдруг это похититель детей!

Не успел Чжиши опомниться, как малыш выскользнул из его рук на землю.

Перед Сун Чжиши стоял пятилетний крепыш с бамбуковой палкой наперевес. Он грозно хмурился:

— Ты кто такой? Зачем моего брата трогал?

Сун Чжиши невольно рассмеялся:

— Сяочуань, неужели ты меня не узнаёшь?

Мальчик обошёл его кругом, подозрительно оглядывая со всех сторон. Ему было всего пять лет, и дядю он видел больше года назад — откуда ему помнить?

Но он вспомнил старую фотографию, которую бережно хранила его мама. На том снимке был

точно такой же красивый юноша, и мама всегда говорила, что это его дядя.

Сяочуань не знал, кто такой «дядя», но завидовал соседскому мальчишке, к которому часто приезжал дядя — катал его на закорках, играл в войнушку и покупал сладкий лёд.

И теперь у него тоже появился дядя!

Сяочуань подпрыгнул от радости чуть ли не выше забора:

— Дядя! Ты мой младший дядя!

— Угадал, умница! — Сун Чжиши почувствовал, как к горлу подкатил ком от нежности и вины за то, что так долго не навещал их. — Дядя приехал к вам в гости.

Узнав, что этот нарядный городской юноша — дядя Сяобао и Сяочуаня, деревенские ребята так и лопнули от зависти.

В итоге Сун Чжиши шёл по деревенской улице, ведя одной рукой Сяочуаня, а на другом плече у него восседал довольный Сяобао. Шумная детская орава гурьбой следовала за ними, помогая нести тяжёлые сумки.

Лю Ляньсян немного посидела на улице и, поняв, что возвращать её никто не собирается, уныло поплелась обратно к дому.

На полпути она наткнулась на процессию из весёлой детворы, среди которой выделялись её племянники.

Испугавшись, что мальчишки опять что-то натворили, она преградила им путь:

— Сяочуань, это ещё кто с вами?

— Это дядя! — гордо пропищал с высоты чужого плеча Сяобао.

"Дядя? Брат Сун Чжиин?" — опешила Ляньсян.

Она смутно помнила брата своей золовки — тот всегда казался ей заносчивым гордецом, чей взгляд был устремлён исключительно в небо. Но перед ней стоял невероятно красивый, приветливый юноша с открытой улыбкой.

Она долго разглядывала его и наконец несмело спросила:

— Ты... брат Чжиин?

Сун Чжиши вежливо кивнул ей:

— Да, это я. Здравствуйте, старшая невестка.

От этого простого и уважительного обращения Лю Ляньсян растерялась окончательно. Родственники Чжиин не баловали их визитами, и она уже начала забывать об их существовании. Перед встреченным лицом к лицу благородным юношей она растерялась и засуетилась:

— Ой, надо же... А я и не готова совсем, в доме шаром покати...

— Что вы, ничего не нужно, — мягко успокоил её Чжиши. — Я ведь просто в гости.

Лю Ляньсян припустила к дому и ещё от ворот закричала во весь голос:

— Отец! Цзясян! Быстрее выходите, к нам гости из семьи Сун приехали!

"Семья Сун приехала?"

Лин Цзясян и Лин Баого застыли как вкопанные, а затем бросились наводить порядок в доме и поспешили навстречу гостю.

Что уж говорить о самой Сун Чжиин — ей показалось, что она грезит наяву.

Прошлым летом брат навещал её и предупреждал, что устраивается учителем в сельскую школу на другом конце уезда, откуда не наездишься. Она смирилась с этим.

И вдруг со двора доносится голос невестки: приехал её брат! Её Чжиши!

Она рванулась с постели, но от долгого лежания ноги её не слушались, и она едва не рухнула на пол. К счастью, оказавшийся рядом Лин Цзяю успел её подхватить.

— Пойдём скорее, — прошептала она, и слёзы сами хлынули из её глаз.

Сун Чжиши вошёл во двор, и в ту же секунду навстречу ему выбежала Чжиин.

После недавних родов она заметно округлилась, но лицо её выглядело бледным и измученным.

Сун Чжиши попытался что-то сказать, но из горла вырвался лишь тихий всхлип:

— Сестра...

— Чжиши!

Сун Чжиин не выдержала, разрыдалась в голос и бросилась к нему на шею, крепко сжимая в объятиях.

— Как ты? Всё хорошо?

— Да, сестрёнка, у меня всё просто замечательно.

Они стояли посреди двора, обнявшись и содрогаясь от рыданий, а собравшиеся вокруг домочадцы и соседи смущённо утирали слёзы.

Обычным людям казалось, что это просто трогательная встреча после долгой разлуки. И никто из них не мог знать, что на самом деле эти брат и сестра не виделись долгих шестьдесят лет.

Чжиин первая взяла себя в руки и ласково погладила брата по щеке:

— Ты, должно быть, жутко устал с дороги. Проходи скорее в дом, отдохни.

Сун Чжиши улыбнулся и упрямо мотнул головой, но руку сестры так и не отпустил, словно боялся, что она растает как призрак. Ему нужно было физически чувствовать её тепло, чтобы поверить в реальность происходящего.

Перед ним была его вторая сестра — молодая, живая и настоящая.

Когда он приезжал сюда в прошлой жизни, его до глубины души поразила нищета этого дома. Он тогда страшно разозлился на дедушку, который сослал его сестру в такую глушь, и они потом долго не разговаривали.

Лишь когда Чжиин сама заверила его, что счастлива в браке, он немного успокоился. Дедушка очень любил внучку и дал за ней богатое приданое.

Но сейчас, глядя на убогую обстановку дома Линов, Чжиши понимал, что все эти деньги ушли как вода в песок. Деревня оказалась ещё беднее, чем он помнил из своего изнеженного детства.

А ведь местные жители уверяли его тогда, что его сестра живёт здесь как королева...

— Дядя Лин, старший брат, невестка, — вежливо поздоровался Сун Чжиши с хозяевами и протянул им увесистый тюк с подарками.

Старший сын, Лин Цзясян, был типичным деревенским мужиком — крепким, молчаливым и неприметным, из тех, чьи лица мгновенно стираются из памяти. Его жена, Лю Ляньсян,

выглядела под стать мужу — простая труженица с мозолистыми руками.

Лин Баого, сухощавый мужчина в очках, казался глубоким стариком. Тяжёлый крестьянский труд старил людей гораздо быстрее, и сейчас отец семейства выглядел ровесником дедушки Сун, который всю жизнь провёл в хле и заботе.

Лю Ляньсян, желая угодить важному гостю, принесла чистый стакан, щедро насыпала туда дефицитного сахара и залила кипятком.

Посмотрев на толстый слой чайного налёта на стенках стакана, Сун Чжиши вежливо отодвинул его:

— Спасибо, невестка, но мне нужно следить за фигурой, я не пью сладкое.

Заметив, как у детей загорелись глаза при виде лакомства, он с улыбкой протянул стакан Лин Цзяю.

Лин Цзяю принял угощение с благоговением. Про себя он подумал, что сегодня точно какой-то волшебный день: сначала ему перепала яичная каша, а теперь ещё и настоящая сладкая вода!

Лин Баого пригласил гостя к столу, но Чжиши вежливо отказался, сославшись на сытость. Беседа не клеилась, и все неловко замерли в тесной комнате.

Тишину нарушила Сун Чжиин:

— Чжиши, но почему ты приехал посреди учебного года? Разве в школе не идут занятия? Тебя отпустили?

В её глазах читалась неподдельная тревога. Чжиши вспомнил, как в прошлой жизни, только устроившись в школу, заваливал сестру письмами с жалобами на суровый быт и безденежье. Он тогда просто хотел выговориться, не думая, как сильно Чжиин будет переживать за него.

— Нет, сестрёнка, всё в порядке. Я больше не работаю в школе.

— Как это? — удивилась она.

— Меня приняли в Шахтерский ансамбль песни и пляски Шэньгань. Теперь я профессиональный артист и буду зарабатывать танцами.

— Чего?! — Лю Ляньсян округлила глаза от изумления. — Это что же, парни тоже могут плясать на сцене?

Лин Баого строго зыркнул на сноху через очки:

— Темнота неграмотная. Помолчи лучше.

Ляньсян привычно прикусила язык и спорить не стала.

Она не была плохим человеком — Сун Чжиши помнил это из прошлой жизни. Именно она преданно ухаживала за его сестрой после родов, а когда они позже расселились по разным домам, их отношения и вовсе стали тёплыми и родственными.

Поэтому он терпеливо и подробно принялся рассказывать семье Линов о том, что такое ансамбль песни и пляски, как проходят репетиции, что представляет собой классический балет и как тепло их принимали зрители на вчерашнем концерте. О закулисных интригах и трудностях он, разумеется, предпочёл умолчать.

<http://bllate.org/book/19670/1996405>